

УДК 94 (47)

ББК 63.3 (2) 6-36

РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО КАЛМЫКОВ В РИТУАЛАХ И СИМВОЛАХ (ИЗ ИСТОРИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ XVII–XIX ВВ.)

Russian Allegiance of Kalmyks in Rituals and Symbols (from the History of Ethnic Policy in 17th–19th centuries)

В. В. Трепавлов (V. Trepavlov)¹

¹доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН (Ph.D of History, Leading Scientist at the Institute of Russian History of the RAS, Chief of the Center for the History of Russia's Peoples and Interethnic Relations at the Institute of Russian History of the RAS). E-mail: trepavlov@yandex.ru.

Важной частью этнической политики в России XVII–XIX вв. являлась взаимная репрезентация власти и подданных, которая осуществлялась посредством официальных deputаций к царскому двору, аудиенций и представлений; участия представителей народов в придворных торжествах; различных видов правительственного жалования; подношений царям; путешествий членов царствующей фамилии по стране и знакомства с жизнью подвластных народов; ритуалов возведения в должность вассальных правителей; взаимоотношений с ними на уровне правительства и провинциальных администраций. Эти сюжеты рассмотрены в статье на примере калмыков и Калмыцкого ханства, которые играли важную роль в военно-политической и культурно-религиозной жизни России того периода.

Ключевые слова: репрезентация, этническая политика, власть, ритуалы, калмыки, ханство.

Legations and deputations of the Kalmyks were present at the court more frequently than representatives of any other ethnicity of Russia throughout the 17th–19th centuries. Starting from the 19th century the Kalmyks were compulsory participants of official solemn ceremonies (emperors' coronations, important anniversaries celebrations etc.). Tsars and their family members paid numerous visits to the Kalmyk steppe and had an opportunity to learn about household activities, daily routines and culture of their key subjects during tours around the empire. In such a case the Kalmyks seized the occasion to demonstrate their religious identity, their rootedness in Buddhism. They arranged special tours to Khuruls to show religious attributes and rites to the crowned guests.

An important component of ethnic policy and its symbolic material presentation was the governmental (tsarist) allowance, which was occasionally paid to the Kalmyk taishas, who patrolled the south borderline. Many documents testifying provision of fabrics, food supplies, arms, ammunition, etc. have been preserved until now. During the Kalmyk Khanate the government kept strict watch over the interrelationship among the top Kalmyk elite and exercised control over succession to the throne. Developing the order of investiture and establishing insignia of Khans' power was vital in an unspoken competition with the authority of Dalai Lamas who also officially sanctioned accession of Kalmyk khans to the throne.

Review of relations between the Kalmyks and Russian authorities in 17th–19th centuries shows that interethnic relations were absolutely dominated by vertical ties – from bottom to top, from the periphery to the Centre. This was a consistent pattern of Russian internal policy. It was necessary to retain the reputation of the monarch as an arbiter, patron, guard of privileges, and punisher of those who depart from prescribed social conventions. Horizontal inter-elite ties were much weaker due to their little usefulness under autocratic rule and unlimited power of bureaucracy. In this context tolerance to the institute of traditional political culture was positively perceived among non-Slavic population, and reconciled it to administrative innovations of Russian authorities.

Keywords: representation, ethnic policy, power, rituals, Kalmyks, khanate.

Формирование образа верховной власти в восприятии граждан (подданных) государства является объектом исследования нескольких дисциплин. Поскольку это явление охватывает сферы социальной психологии, культурологии, этнографии, семиотики, эстетики и мн. др., то его полное исследование возможно лишь усилиями специалистов из разных областей научного знания. Историка в нем интересует, прежде всего, обусловленность связи между реальной политикой и общественным сознанием, восприятие населением политических, экономических и прочих административных акций и формирование различных образов и стереотипов.

Чрезвычайно актуальна проблема образа власти в многонациональном государстве. Учет культурных различий и этнических ментальностей его населения должен сопутствовать любым управленческим мероприятиям. При этом власть всегда заботится о том, чтобы представить себя в позитивном ракурсе, стремится убедить в своей адекватности, обоснованном прагматизме, способности отвечать на вызовы, умении аккумулировать и разумно (справедливо) распределять экономические ресурсы. Для создания такого представления ей необходимо репрезентовать себя населению. Достигается это посредством визуальных и вербальных образов, актов и символов, выработанных в ходе столетий управленческой практики.

Столь же актуален обратный процесс — репрезентация населения по отношению к правителям. Обратная связь нужна для контроля над ситуацией в государстве, информирования о ней правящих инстанций. Поэтому правительство заинтересовано (во всяком случае, так должно быть) в получении информации непосредственно от граждан/подданных, помимо своих низовых органов и учреждений.

Вопрос о том, каким образом верховная власть старается представить себя в глазах подданных, занимал многих ученых. Постоянный интерес к этой проблеме вызывается не только исследовательским интересом, но и ее практической востребованностью. Меняются формы репрезентации правящей элиты, увеличиваются ее технические возможности (через средства массовой информации, интернет), но суть остается прежней: власть стремится обеспечить лояльность подданных. Делается это не только за

счет реальных политических, социальных и экономических акций, но и путем демонстрации, подчеркивания властью своих привлекательных качеств — могущества, справедливости, гуманности, щедрости (как производной от богатства государственной казны), внимания к нуждам народа и проч.

Важнейшим условием успешной взаимосвязи власти и народа является характер коммуникации между ними — «существует ли обратная связь, как часто и каким образом правящая элита общается с народом, насколько она открыта для этих интеракций» [Преснякова 2000: 136].

Все это относится к такой сложной сфере внутригосударственной жизни, как этническая политика. Взаимная репрезентация власти и народов России всегда играла в этой политике важную роль. Предметом наших разысканий в данной статье станет «внутренняя дипломатия» по отношению к калмыкам — как часть этнической политики России XVI–XIX вв. — и олицетворявшие ее ритуалы и потестарные символы. Мы рассмотрим ее с двух противоположных точек обзора: «сверху» — со стороны высшей правящей элиты, и «снизу» — со стороны подданных.

В течение XVII в. калмыки постепенно заселяли Нижнее Поволжье. Они образовали там новое владение во главе с ханом, вассальное по отношению к царю и фактически в пределах Российского государства. Шертными договорами 1654 и 1657 гг. было оформлено, как обычно считается, их вхождение в состав России. Правительство России официально признало существование Калмыцкого ханства в 1664 г.

По подсчетам Ж. Б. Кундакбаевой, только за период 1684–1719 гг. калмыцкие посольства прибывали в Москву 97 раз (русских официальных делегаций к калмыкам за тот же период было 30). Несомненно, это были самые частые визиты по сравнению с депутациями от других российских народов. Правительство стремилось из экономии уменьшить интенсивность контактов. В 1691 г. астраханскому воеводе было велено пропускать в столицу калмыцких посланцев только с наиболее важными делами [Кундакбаева 2006: 531].

Многократно появлявшиеся при дворе калмыки не могли не быть замеченными европейскими наблюдателями. В 1665 г. с ними столкнулся Н. Витсен, не преминувший описать свое впечатление от экзотичных азиатов. Кроме их запоминающегося

облика (низкий рост, желто-коричневая кожа, плоские лица, маленькие глаза, косы на бритых головах, одежда из грубых овечьих шкур, пристрастие к курению табака), он отметил радушие, с которым их принимают в Москве [Витсен 2010: 360–362].

Сам прием описан знаменитым эмигрантом, бывшим подьячим Посольского приказа Г. Котошихиным. Правда, он сочинял свой трактат в 1666 г., естественно, излагая сведения о Московии за более раннее время, когда визитеры из Калмыцкого ханства пока воспринимались как представители самостоятельного государственного образования. Котошихин и рассказывает о них заодно с крымскими и ногайскими послами. Всех их принимали по приблизительно одинаковому протоколу, разве что у крымцев издавна имелось в Москве свое пристанище (Крымский двор в Замоскворечье), ногаи же и калмыки размещались, «где поставят». К посольствам прикомандировывали приставов из московских дворян. Когда наступал назначенный срок явиться на аудиенцию, за ними посылали из царской конюшни оседланных лошадей, «на чем им ехать в город». Татары и ногаи направлялись сперва в Посольский приказ, калмыки — в «профильный» для них Приказ Казанского дворца и затем в государеву резиденцию [Котошихин 1906: 69, 70; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 11254, л. 6, 11–13, 28, 29].

При этом ранг калмыцких посольств был явно не первостепенным. Царь принимал их не по самому торжественному разряду [Дворцовые разряды 1851: 210]. Он сидел на троне в повседневной одежде, тогда как для встречи с посетителями более высокого статуса облачался в «царское платье». Стоявшие у трона рынды тоже были, хоть и с бердышами, но в ферязях, а не в торжественном «белом платье».

Обязательным элементом посольского обычая, в том числе в сфере «внутренней дипломатии», было одаривание приезжих. Котошихин пишет, что калмыцким послам (а также крымским и ногайским) из казны перед приемом у царя посылался парадный наряд: атласные шубы, суконные однорядки, камчатые кафтаны, лисьи шапки и сапоги. В расходных ведомостях дворцового хозяйства XVII в. в самом деле имеются записи о столь щедрых пожалованиях — правда, не во всем совпадающие с котошихинским перечнем. Драгоценные одеяния фигурируют довольно редко и исключительно по

отношению к посланцам ханов и самых высокопоставленных тайшей. Их свита получала сукно разных видов (английское, амбургское) и иногда камку (см., например [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 8598, л. 1; д. 8615, л. 1; д. 17049, л. 1, 2; д. 17189, л. 1; д. 34702, л. 1; 34819, л. 1; д. 35153, л. 1]). Так же награждались служилые люди, стрельцы и толмачи, которые сопровождали посланцев по пути от Астрахани, по поручению местных воевод [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 7049, л. 1; д. 7061, л. 1]. И так же — представители донских калмыков, которые селились на землях казачьего Донского войска и не подчинялись калмыцким ханам. В росписях жалованья гонцы от них так и названы: «рядовые казаки» [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 33712, л. 1, 1 об.; д. 35153, л. 1].

В XVIII в. порядок приема «инородческих» deputаций несколько изменился. В различных источниках зафиксировано посещение знатными калмыками царского двора и правительственных учреждений. Пока существовало ханство, его правителя (им были то хан, то наместник) принимали в Петербурге с должным почетом. В день высочайшей аудиенции из императорской конюшни к месту его поста присылали или коляску для него, верховых лошадей, или извозчиков для свиты. В сопровождении русского чиновника калмыки следовали во дворец. На приеме им следовало клясться в верности и благодарить за милостивое отношение.

Обобщив процедуру допуска приезжих визитеров к августейшей персоне за несколько лет, Коллегия иностранных дел в 1744 г. составила записку, в которой предлагался порядок аудиенции калмыкам. Явившись перед императрицей, посланцы клянутся в верности ей и благодарят за милость. Та в ответ их «приемлет милостиво и обнадеживает своею императорскою милостию». Иногда с уточнением: «милость» распространяется на «весь [калмыцкий] народ». Если приезжает сам хан или наместник Калмыцкого ханства, то государыня его «всемиловитейше жалует... своим императорским столом» (т. е. приглашает разделить трапезу), а в случае особого расположения — «своим императорским портретом, столом и особливым жалованьем» (т. е. подарками или деньгами) [РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 224, л. 1, 4–9, 15 об., 20–21, 26].

Среди разнообразных политических и дипломатических мероприятий и придвор-

ных увеселений было порой непросто выбрать время для общения с «иноверными» подданными. Трудно было долгое время восседать на троне и терпеливо выслушивать однообразные изъявления верности от посетителей, съехавшихся с разных концов громадной страны. Иногда старались посвятить этому целый день, и тогда депутации шли одна за другой. Так произошло после коронации Елизаветы Петровны, когда аудиенция ради выслушивания поздравлений давалась поочередно: крещеным калмыкам, наместнику Калмыцкого ханства, казахским старшинам, группе башкир и мещеряков [РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 224, л. 1–2].

Если депутации были невысокого ранга, то вместо аудиенции они удостоивались краткого представления. Кроме того, с окончанием эпохи единоличного правления императриц посланцам стали устраивать аудиенции у супруг царствующего монарха. «Культурная программа» пребывания депутации при дворе иногда предусматривала участие их в увеселениях. В сентябре 1743 г. калмыцкая депутация из двух владельцев, шести зайсангов и приставов напросилась взглянуть на маскарадный бал, куда они и были доставлены на казенных конных колясках [РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 224, л. 51–52 об.].

Состав и количество лиц, допускаемых к представлению, согласовывались заранее. Не могло возникнуть ситуации, когда монарх внезапно сталкивался с неожиданным визитером. Он заранее решал, желателен ли тот или иной посетитель и как с ним надлежит обходиться. В качестве примера такого предупреждения приведем резолюцию Екатерины II — распоряжение генерал-адъютанту А. М. Голицыну от 20 марта 1764 г.: «Послов калмытских, также и владетеля, завтра поутру после обеда представить можете, естли меж ими о первенство спор не будет, а естли спор вы предвидите, то кто первый приехал, того и представьте, и пожалуй прикажите с ними со всякой ласкостию и учтивости[ю] обходиться и прикормите их как возможно больше (орфография источника. — В. Т.)» [Сборник 1886: 239].

Деловые визиты занимали калмыцких представителей не меньше, чем официальные мероприятия. Свидетелем двух таких визитов, к канцлеру в Коллегию иностранных дел, был ганноверский посланник

Ф.-Х. Вебер. В 1714 г. он наблюдал, как калмыцкий посол, пав ниц перед русским вельможей, вручил ему свиток с посланием от хана и невнятно пробормотал несколько слов. Собеседник ответил: «Это очень хорошо», — и на этом визит завершился. Через пять лет калмыцкий представитель явился к президенту Адмиралтейств-коллегии Ф. М. Апраксину. Визитер проговорил речь, вручил адмиралу сахарную голову и кусок шелка. Затем из кармана была извлечена скомканная бумага — как оказалось, письмо к Апраксину, которое тут же было переведено драгоманом. Вельможа не стал вступать в разговоры с калмыком, а велел подать ему чарку водки и пригласил отобедать. Затем дал ему денег, чтобы нанять лодку для переправы через Неву [Вебер]. Сверхлаконичные ответы были обычны в общении высших лиц империи с посетителями-«иноверцами». В последнем случае угощение водкой и оплата лодки явно выбивались из дипломатического ритуала и свидетельствовали о «домашнем» характере отношений, о поистине внутренней дипломатии. Такое поведение Апраксина трудно представить в общении с европейскими посланцами.

Имеется интересное сообщение о моральном климате, сопровождавшем организацию таких поездок. В 1731 г. одна степная аристократка писала астраханскому чиновнику: «Калмыцкий нрав таков, что если какой-нибудь владетель намерен ехать к вашему государю, то обычно этого не любят. Особенно не возлюбят, если среди них есть люди, равные мне. Если услышат раньше, то могут помешать» [Сусеева 2009: 382]. Зависть и ревность к удачливым соплеменникам, которым выпала участь посетить столицу «белого царя», оказывается, влияли на организацию калмыцко-русских отношений.

Само прибытие депутации служило основанием для пожалования ее членам. Но порой к факту приезда добавлялись дополнительные причины наградить приезжих. Это могло быть отдаривание за подношения царю; объявление раскаяния за участие в бунте и «принесение вин» или, наоборот, поощрение за неучастие в мятеже; воинская доблесть (для получения награды целые отряды запорожцев и калмыков везли в Москву захваченных в степи татарских языков) (см., например [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 8210, л. 2; д. 8215, л. 1; д. 8567, л. 1, 1 об.; д. 27264, л. 1; д. 29464, л. 1]).

Со второй половины XIX в. участие представителей народов империи стало непременным элементом торжеств по случаю коронации очередного самодержца. Калмыки всегда присутствовали на них. Вернувшись домой, они делились впечатлениями о своем путешествии в Москву, расписывали великолепную постановку венчания на царство. В доме нойона Тюменя долго, уже после его смерти, висели на стене различные объявления о торжествах, пригласительные и пропускные билеты, привезенные им с коронации Александра II [Победоносцев, Бабст 1864: 344, 345].

Столь же уместным считалось привлечение «иногородцев», чтобы отметить другие важные события в царствующей фамилии: юбилеи, бракосочетания, похороны... В последнем случае к протокольной обязанности участвовать в трауре добавлялась порой искренняя печаль об усопшем. В частности, калмыки хранили благодарность Александру III. При нем в 1892 г. был принят закон «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа», по которому ликвидировалась зависимость рядовых калмыков по отношению к кочевой аристократии. Жители Большедербетовского улуса, узнав о его кончине, решили «в память освобождения от обязательных отношений к владельческим сословиям в Бозе почившим императором Александром III» возложить на гроб «царя-освободителя их» серебряный венчик. В следующем году большедербетовцы дали поручение возложить венки на могилу «царя-освободителя их» своим посланцам, которые направлялись в Петербург для поздравления Николая II и Александры Федоровны с бракосочетанием. Также постановили в честь усопшего царя отчислять ежегодно 500 рублей «на воспитание детей недостаточных родителей-калмыков» при Ставропольской мужской гимназии [Большедербетовский улус 1894: 3; Большедербетовский улус 1895: 3].

Калмыки выразили скорбь и по поводу смерти бывшего наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича в 1909 г. Они украсили венками его гробницу, а сыну, Николаю Михайловичу, преподнесли изображение Будды и траурный адрес с такими, в частности, словами: «На высоком посту наместника... Михаил Николаевич облагодетельствовал и наш калмыцкий народ, испросив высочайшего... соизволения

на дарование душевых земельных наделов» [Депутация калмыков 1910: 3].

Важным компонентом этнической политики и материальным символическим ее воплощением было правительственное (царское) жалованье, выделявшееся с разной степенью регулярности элите подвластных народов. Калмыцким тайшам, стоявшим на страже южных границ, шли драгоценные ткани. В качестве платы за верность шертям для них не жалели разредить казенный гардероб и слали в степные стойбища собольи шубы, лисьи шапки, кожи-юфты, шкурки лис, белок и выдр, не говоря уже о разнообразных сортах сукна [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 19889, л. 1–5, 19]. От Петра I тайши и их родственники получали венецианский бархат, золотую обьярь, атлас, китайскую камку, синий и алый кармазин [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 30285, л. 10; д. 33773, л. 1, 2]. Рядовые калмыки — участники войн получали водку, табак (целыми пудами), сахар, конфеты, муку, иногда сукна, кожу-юфть на сапоги и небольшие денежные суммы [Дополнения, 1862: 3; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 30285, л. 10; д. 33773, л. 1, 2; д. 35482, л. 8, 10; Сусеева 2009: 231; Khodarkovsky 1992: 29]. В 1675 г. в Казенном приказе изготовили 1500 суконных шапок и послали князю Г. Г. Ромодановскому для раздачи калмыкам — участникам его будущего похода на Крым [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 15762, л. 1–4].

Предметы вооружения и военной амуниции передавать «иноверцам», как правило, воздерживались. Калмыки составляли исключение. Основное предназначение их в составе Московского государства заключалось в защите степного пограничья, которое в силу природных условий было открыто для неприятельских вторжений. Военные действия в тех местах велись долгое время по правилам средневековых конных батальей. Да и противники были соответствующими: крымцы, ногайцы, кавказцы. Поэтому иногда Москва участвовала в военной экипировке калмыков. Правда, это участие выражалось в пожалованиях только главным или самым преданным тайшам. Они получали из казны ценные доспехи, украшенные золотом и серебром для демонстрации высокого статуса владельца. В документах Оружейной палаты упоминаются позолоченные и посеребренные латы и их компоненты (зеркала, наручи), шлемы: шапки-мисюрки, железная ерихонская шапка-подшоломник в алом атласе. Составля-

лись их подробные описания для отчетности и во избежание путаницы, воровства и подмены.

Эра огнестрельного оружия, давно наступившая в Европе, в XVIII в. ощущалась и в дальних восточных российских пределах. В виде награды могли быть пожалованы пистолеты, а степняки, обзаведшиеся таким вооружением, просили у властей боеприпасов для стрельбы: пороха, свинца, селитры и серы. Об объеме таких поставок говорит случай из 1739 г., когда калмыцкий хан Дондук Омбо снарядил караван из 40 верблюдов, «чтобы забрать порох, свинец и железо» [Ерофеева 2013: 128; Сусеева 2009: 231, 237, 475, 564]. В XVII в. в степные ставки посылались винтовые и гладкоствольные пищали. Хотя в обычном конном бою это тяжелое и требующее долгого заряжания оружие было малопригодно, факт получения его от государя служил знаком высочайшего расположения и вдохновлял тайшей на верную службу. К тому же пищали для тайшей, как и защитные доспехи, украшались драгоценными металлами и перламутром. Иногда они специально производились в кремлевских мастерских, но порой на юг отправлялись явно импортные изделия. В расходных ведомостях встречаются «черкасские» мишюрки с золотым и серебряным орнаментом, шлемы и пищали со «словами арапскими». Явно церемониальный смысл имели двуглавые орлы в клеймах на прикладах пищалей [РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 9324, л. 1; д. 9327, л. 1; д. 14376, л. 1–3; д. 14681, л. 1, 2; д. 24297, л. 1, 2; д. 24298, л. 1, 2; д. 25208, л. 1, 4; д. 25209, л. 1; д. 25932, л. 1–5; д. 26182, л. 1–4]. Эти пожалования со временем все более обретали вид ритуальных символов. Панцирь, шишак и наручи, дарованные калмыцкому хану Аюке, при его преемниках воспринимались как инсигнии верховного правителя калмыков [Пальмов 1927 II: 153].

В XIX в. героически проявившим себя на поле боя стало вручаться наградное холодное оружие, золотые сабли и шашки с надписями «За храбрость» [Двенадцатый год 1912: 45, 46; Иванов 1912: 64; Казахско-русские отношения 1961: 522]. Несколько калмыцких предводителей получили их за участие в сражениях во время заграничной кампании 1813–1814 гг. За отвагу в зарубежных походах, в том числе в Битве народов 16–19 октября 1813 г., нойон калмыков-

хошеутов, командир Второго калмыцкого астраханского полка, подполковник Серебджаб Тюмень, захвативший под Лейпцигом две вражеские пушки, получил ордена св. Анны 2-й степени, св. Георгия 4-й степени, св. Владимира 4-й степени (а также высший прусский орден Pour le Mérite) [Двенадцатый год 1912: 45, 46]. В начале Первой мировой войны благодарность Николая II другому калмыцкому аристократу, князю Церен-Давиду Тундутову, за сбор средств на нужды армии с населения подведомственных улусов выразилась в ордене св. Анны 3-й степени [Хроника 1914: 3].

Заметим, что при контактах с казахской верхушкой правительство было гораздо более прижимистым, поскольку участие калмыцкой конницы в военных кампаниях представляло для него гораздо большую ценность, чем абстрактная покорность казахских жузов. Соответственно, и выплаты в Калмыцкое ханство назначались заметно более щедрые.

В ряду пожалований «инородческим» предводителям отдельного упоминания заслуживают кареты. Одна была изготовлена для последнего крымского хана Шахин-Гирея, который после отречения от трона жил в России. После отъезда его в османские владения Екатерина II подарила эту карету турецкому послу [Камер-фурьерский церемониальный журнал 1894: 67 (прилож.)]. От Николая I казахскому хану Джангиру доставили карету, запряженную лошадьми. Катание на ней по степи вошло у него в церемониал приема гостей [Зиманов 1982: 103; Сабанщиков 1832: 670]. В отличие от него калмыцкий хан Аюка сотней лет раньше нашел другое применение английской карете, подаренной ему А. Д. Меншиковым. По сообщению Ф. Х. Вебера, она стояла без движения в его степной ставке и использовалась в качестве своего рода тронного зала: в ней хан принимал посланников соседних государств и устраивал пиры в торжественные дни. Лошадей в нее не запрягали, а дышла отрубили за ненадобностью [Вебер].

Вообще, Аюка активно использовал связи с Россией, чтобы увеличить пышность своего двора (так, как он ее понимал). Принимая китайское посольство в июне 1714 г., он вызвал из Астрахани русских артиллеристов и драгун, чтобы они салютовали и отдавали воинские почести цинским сановникам. Оттуда же приехали

музыканты для концерта в честь визитеров и была привезена выданная напрокат золотая и оловянная посуда [Пальмов 1926: 33]. Такой величественный антураж вселял в хана уверенность и избавлял от необходимости пресмыкаться перед далеким богдыханом.

В этнической политике России довольно развита была культура подношений царям. При высочайших приемах инородческих депутатов и во время поездок членов царствующей фамилии по стране у политничного населения империи появлялась возможность рассказать о своем народе, его обычаях и жизненном укладе, продемонстрировать искусство местных умельцев и — одновременно — искреннюю преданность престолу. Расширить познания такого рода у царя, царицы, цесаревичей, великих князей и т. д. можно было самым наглядным способом: преподнести им продукцию местных промыслов, предметы быта и религиозного неправославного культа, а также специально изготовленные стилизованные изделия с познавательной этнической символикой. Пожалуй, наиболее массивными изделиями из всех подношений были два деревянных трона с серебряными накладками, привезенные донскими калмыками для Николая II и Александры Федоровны в 1908 г. Верные своему вероучению, калмыки поместили на престолах, наряду с двуглавыми орлами, сакральные зооморфные фигуры из буддийской мифологии.

Следует заметить, что калмыки часто пользовались случаем, чтобы на фоне беспредельной преданности самодержцу продемонстрировать свою религиозную особость, укорененность в буддийской вере. В Области Войска Донского в 1887 г. венценосная чета и наследник посетили буддийский храм-хурул донских калмыков, где лама поднес им серебряную курильницу тибетского производства. А в 1909 г. от калмыцкой депутации в Царском селе Николай II и цесаревич Алексей получили изображение божества Дара Эхе [Депутация от

¹ В 1927 г., в ходе кампании по распределению столичных музейных фондов между региональными хранилищами, трон царицы из Царскосельского дворца был перевезен в Омск. Сейчас он отреставрирован и находится в Омском музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. О судьбе второго трона мне неизвестно.

калмыков 1909: 3]. В газетной информации не уточняется, была ли это скульптура (что вероятнее), или икона. Но ясно, что образ богини милосердия из ламаистского пантеона, «спасительницы от восьми препятствий», предполагал подспудное внушение адресатам дара благосклонного отношения к калмыцким подданным.

Калмыки были давними партнерами русских в торговле скотом. В дар императорам они приводили породистых лошадей. После показа царю или цесаревичу животных бережно переправляли в Петербург. Кроме того, калмыкам царское охотничье хозяйство было обязано ценнейшим предметом аристократической потехи — ловчими хищными птицами.

Знакомство с этническим многообразием империи во время царских поездок по стране не ограничивалось официальными церемониями. По пути венценосцы знакомились с жизненным укладом подданных. Конечно, это знакомство оказывалось беглым и поверхностным. Но какие-то бытовые детали замечались. Александр II во время проезда на Кавказ через земли калмыков в 1871 г. имел возможность увидеть жилище кочевников во всей красе: по всей степи собирали ковры, кошмы, куски разноцветного шелка, чтобы установить и украсить предназначенный только для показа гэр — калмыцкую юрту [Бурдуков 1898: 8]. Эта юрта сооружалась для своеобразной этнографической выставки с целью дать императору представление о том, чем и как живут его калмыцкие подданные. Кроме гэра, был поставлен павильон, в котором разместили жалованные царские грамоты из разных времен, традиционные одежду и оружие. Все экспонаты были осмотрены императором и наследником-цесаревичем, будущим Александром III. Калмыки ловко продемонстрировали визитерам процесс перекочевки и установки такого жилища.

При посещении степных местностей гостям старались показать народные развлечения. Когда цесаревич Александр Александрович по пути из столицы в Крым в 1863 г. заехал в Калмыцкую степь, для него были устроены «увеселения и зрелища». Замысел астраханских чиновников состоял в том, чтобы «показать великому князю в продолжение одного дня всю жизнь и весь быт калмыков в степи». Устроители сочли, что сановным посетителям будет интересен и процесс перегонки молока в водку-арку [Победоносцев, Бабст 1864: 415–421].

Скачки всегда были любимым развлечением кочевников. Калмыцкие, казахские, башкирские всадники с удовольствием показывали свое мастерство и удаль, вихрем проносясь перед ликующими земляками и любопытствующими приезжими зрителями. Иногда для солидности зрелища их облачали в одинаковую одежду. Калмыки также устраивали показательные конные состязания среди мальчиков и женщин. И взрослых, и юных победителей, обогнавших соперников на конях или верблюдах, подзывали к царственным особам, и те поощряли их щедрыми призами (часами, деньгами, золотыми монетами) [Бурдуков 1898: 7; Путешествие 1871: 4]. Налицо был весь набор потех и забав кочевников: скачки на лошадях, борьба, соколиная охота, ловля и укрощение диких лошадей, джигитовка, усаживание на землю верблюдов и проч. Наследник решил прокатиться на верблюде, и этим новым впечатлением остался очень доволен. А уж «самодовольствие калмык не имело границ» [Путешествие 1869: 5].

При проезде путешественников через Калмыцкую степь им старались продемонстрировать буддийские храмы и исполнить некоторые религиозные обряды. Ставились кибитка для бакши (старшего ламы) и кочевой разборный хурул, перед ним выстраивались священнослужители и монахи в канонических желтых и красных одеждах, музыканты хурульного оркестра. При приближении высоких гостей начинали реветь длинные трубы, пищать дудки и рожки, грохотать барабаны и литавры. После этого десятиминутного приветствия, которое в одной публикации тех лет названо «страшным молитвенным концертом», прибывших приглашали осмотреть молельню и резиденцию бакши, с удовольствием отвечали на вопросы о смысле обрядов и назначении тех или иных предметов. В честь царственных особ устраивалось богослужение [Победоносцев, Бабст 1986: 389–414; Путешествие 1869: 460–465; Путешествие 1871: 3].

Посещение Новочеркасска и хурула донских калмыков Александром II с женой и сыном в 1887 г. вдохновило местного краеведа Ф. К. Траилина на стихотворный опус:

В казачьей семье доля есть и калмык:
Кочуют они на Задонских степях, —
Забилось сердце степное у них,
Узнавши, что Царь у них будет
в гостях...

За городом вмиг, на зеленом ковре,
Калмыцких кибиток явился хутун;
Гостей ожидали восторженно все:
Калмыки, калмычки и каждый гелюн.
Прибыл и взошел в их хурун Государь,
Царица сама и Наследник за ним.
Ламайский богато был убран алтарь;
Стоял тут собором духовный весь чин.
Бакша управлял богомолием сим:
Раздалась молитва о здравьи Гостей —
Царице он ценный поднес фимиам,
Ее обожая по вере своей [Траилин 1872: 113].

Правители калмыков в конце XVII–XVIII в. (ханы и некоторое время наместники) избирались по древним монгольским обычаям на собраниях знати. Нередко возникали распри и междоусобицы по поводу кандидатур, но обрядовая сторона — выбор по воле аристократического собрания — оставалась неизменной. «Вся калмыцкая орда имеет одного начальника, который называется ханом, — писал проехавший через Калмыцкую степь академик И. И. Лепехин на рубеже 1760–1770-х гг. — Ханы выбирают по собственному их (калмыков. — В. Т.) изволению и с согласия первенствующей знатности; однако к сему требуется и соизволение российского двора» [Полное собрание 1822: 333]. Однако по мере утраты ханством самостоятельности нарастало вмешательство столичных и особенно астраханских властей в его внутренние дела, в том числе в вопрос о замещении и наследовании должности хана. Для принуждения народа принять кандидатуру правителя, угодную российскому начальству, иногда приходилось вводить на территорию ханства войска и посылать по улусам казачьи разъезды (см. [Позднеев 1886: 158]). Последний хан Убаши был провозглашен по сценарию, полностью разработанному русской стороной [Цюрюмов 2007: 296]. Это был один из тех признаков угасания калмыцкой государственности, которое (в числе прочих факторов) привело к откочевке большинства народа в Джунгарию в 1771 г.

Восшествие на трон в глазах калмыков оказывалось легитимным, если оно не только утверждалось императорским указом, но и имело другое важнейшее основание — инвеституру от Далай-ламы, главы тибетской ветви буддизма. Вместе с грамотой о присвоении ханского звания и тронного имени из тибетской столицы Лхасы в Калмыцкую

степь привозили новую печать. Для оглашения воли тибетского иерарха ставилась «бурханная кибитка», и священнослужитель-гелюнг торжественно, в присутствии русского чиновника, вручал избраннику ханские инсигнии (о них см. ниже). Обычно считается, что это началось с интронизации Аюки в 1690 г., получившего титул и печать от VI Далай-ламы (хотя есть мнение, что еще в 1650 г. V Далай-лама удостоил этим званием деда Аюки, Дайчина). Дарование права на престол из двух источников несколько не смутило Аюку. Наоборот, вдвое увеличился его авторитет среди равновеликих ему дотоле тайшей. «Святитель Далай-лама пожаловал Аюке ханское достоинство (хан доло) и печать (тамга)... — гласит анонимная калмыцкая хроника XVIII в. — Хотя Аюка и был данником (албату) русского царя, но, не извещая его, принял своей властью это высокое ханское титуло» [Лунный свет 2003: 116–117].

В феврале 1737 г. русское правительство объявило ханом Дондук Омбо, но он не смел так титуловать себя, поскольку не получил волеизъявления буддийского первосвященника. В такой же ситуации оказался и следующий хан, Дондук Даши. А вот их предшественник и дядя, Церен Дондук, чувствовал себя уверенно, поскольку обрел от главного ламы и ханскую печать, и сакральное тронное имя Дайчин Шаса Бюджа-хан [Батмаев 2002: 93; Бичурин 1991: 103; Курапов 2007: 96, 156, 168, 169, 189, 190; Пальмов 1927: 164]. Легитимация ханского звания, исходящая из Лхасы, была необходима для обеспечения лояльности к хану со стороны калмыцкой знати. Нойоны и зайсанги соглашались подчиняться только правителю, статус которого был подтвержден всеми тремя источниками законности: избранием съезда князей, российской и тибетской инвеститурами.

Самыми распространенными атрибутами инвеституры в российской этнической политике были предметы вооружения и дорогая одежда. Прецедентом здесь, скорее всего, послужила практика одаривания калмыцких предводителей как государей первого присоединившегося к России владения с единоличным правлением. Во всяком случае, инсигнии Нурали — первому хану казахского Младшего жуза, который получил инвеституру от Елизаветы Петровны в 1749 г., назначили «по примеру... калмыц-

ких ханов и их наместников», т.е. точно такие же [Казахско-русские отношения 1961: 445]. Из оружия чаще всего жаловались парадные сабли, ценой в несколько тысяч рублей — в ножнах, покрытые золотом или серебром, драгоценными камнями, иногда с нанесенным именем получателя или императорским вензелем. Вместе с саблей могли вручить железные доспехи. Российские власти стремились утвердить символическое значение жалуемых предметов: «дабы сие калмыки почитали во знак ханства, и, может быть, у них в обычей сие вошло, что кому того (сабли, панциря и щита. — В. Т.) не будет дано, тот за прямова хана принят не будет» (цит. по: [История, 2009: 386] (предложение астраханского губернатора А. П. Вольнского 1724 г.)¹).

При утверждении статуса Калмыцкого ханства наблюдалось интересное явление, иллюстрировавшее понимание русской правящей элитой места нового владения в системе российской государственности. Первым ханом калмыков был Мунчак (Пунцук), который в 1664 г. шертовал Алексею Михайловичу и получил от него согласие на ханский статус вместе с инсигниями. Таковыми оказались позолоченная серебряная булава, украшенная яшмой, и белое знамя с красной каймой [История 2009: 344]. Насколько мне известно, последующим ханам булава не присылалась. В наделении ею Мунчака мне видится аналогия, которую усматривали кремлевские политики XVII в. между новообразованным Калмыцким ханством и Гетманщиной. Оба автономных образования входили в состав Московского государства (т.е. признавали верховную власть царя), но имели значительные отличия от уездов и воеводств Европейской России и Сибири.

Неформальные отношения с вассалами у российских императоров завязывались нечасто. Исключительным случаем можно считать обоюдное гостеприимство Петра I и калмыцкого хана Аюки в июне 1722. Направляясь на галере по Волге к Каспию, Петр сделал остановку в Саратове, где ему передали просьбу от Аюки о посещении. Вскоре хан, который кочевал неподалеку, прибыл с женой, сыном, внуком и свитой.

¹ Инвеститура от Далай-ламы сопровождалась сходным набором регалий: печатью, шапкой, одеждой, саблей, знаменем и отсутствующим в русской практике седлом [Курапов 2007: 96, 156].

Их переправили на корабль и устроили двухчасовой прием. Гостей представили императрице Екатерине I — спутнице мужа в начавшемся Персидском походе. Петр предпринял «прием приласкания», по выражению Н. Н. Пальмова: обильно кормил и поил калмыков, выслушивал заверения в преданности, подарил им целую коллекцию медалей, выпущенных в честь побед в недавней Северной войне. Затем они спустились на берег и отправились в ставку Аюки. В шатре государя усадили на ханском месте, хан расположился слева от него и угощал чаем с верблюжьим молоком [Батмаев 1993: 194; Пальмов 1929: IV; Походный журнал 1855: 42–44, 69, 92].

Несмотря на независимый нрав этого степного правителя и его временные расхождения с политикой Москвы и Петербурга, память о нем в российском общественном мнении осталась в целом доброжелательная — как о «славном калмыцком хане... известном даже в Китае, ласкаемом Петром Великим, преданным России» [Леопольдов 1850: 64].

Фактическое положение вассальных правителей не позволяло им свободно и по каждому поводу общаться с государем. Повседневные контакты налаживались у них с региональной администрацией. В силу близкого соседства и знания внутреннего состояния инородческих владений она зачастую играла большую роль в их жизни, чем далекие столичные инстанции. И отношения с губернаторами, пограничными воинскими и прочими начальниками у подвластных предводителей выстраивались соответствующие.

Впрочем, это зависело от самоощущения и реального объема власти у правителя. Скажем, Аюка в XVII – первой четверти XVIII в. считал себя привилегированной особой и свои послания к астраханским воеводам и губернаторам называл указами (и те принимали их). Более того, в воеводских обращениях к хану конца XVII в. сквозило уничижение, неподобающее, казалось бы, представителям московского государя: «...Их царского пресветлаго величества подданному слуге и моему добродетелю хану Аюке тайше Мунчакову астраханский меньший воевода Иван Волков челом бьет». Правда, столь откровенное заискивание объяснялось конкретным обстоятельством — необходимостью выпросить у хана про-

вожатых для возвращавшегося из Кабарды русского посольства. Но все же характер взаимоотношений здесь оказывался перевернут с ног на голову: не Аюке обещалась награда в виде государева жалованья, а выполнение им просьбы воевода считал ханским жалованьем себе («я твоего жалованья не забуду») [Письмо 1850: 28].

Такие странные отношения продолжались до тех пор, пока очередной нижеволжский наместник А. П. Вольтинский не счел это неприемлемым. Он отправил офицера в кочевую ставку Аюки с непрочитанным письмом от него и с увещанием, что писать указы для хана — «не что иное, токмо один стыд». Хан попытался было увести спор в лингвистические детали (в калмыцком языке-де слова *приказ* и *указ* — «невеликие, а великое толкуется «повеление», и кроме бога и его царского величества другого повелителя никакого нет»), но в итоге внял отповеди и перестал озаглавливать свои письма повелительным «указ» [Пальмов 1992: 55]. Его внук, хан Дондук Даши, в 1740-х гг. действовал уже совсем в иной модальности и подписывал свои послания к астраханскому губернатору «Ваш младший брат» (*тани инаг дөү*) [Сусеева 2009: 625, 626, 631, 632, 642, 645, 646, 651, 652]¹.

Рассмотрение связей между калмыками и российскими властями в XVII–XIX вв. показывает, что в межэтнических межэлитных отношениях абсолютно господствовали вертикальные связи: «снизу вверх», от периферии к Центру. Это была закономерность российской внутренней политики. Требовалось сохранять репутацию монарха как арбитра, заступника, охранителя привилегий, карателя отступивших от установленных норм жизни в государстве. При этом упования на пресечение несправедливостей обычно не связывались с царским сановным окружением: боярами, министрами, высшими генералами. Горизонтальные же межэлитные связи были гораздо слабее — ввиду своей малой полезности в условиях самодержавного правления и всевластия бюрократии. Так выстраивалась четкая и жесткая пирамидальная структура отношений, пронизывающая все уровни управления, социальной жизни и даже культурно-религиозную сферу. При этом терпимость к институтам традиционной политической

¹ Однако это, кажется, не было характерно для других калмыцких ханов.

культуры позитивно воспринималась в среде «инородческого» населения, примиряла его с административными нововведениями российских властей.

Непосредственные, пусть и эпизодические, контакты власти с «инородцами» представляли собой дополнительный канал информации о положении в провинциях, средство получения сведений от самого нижнего социального слоя подданных, через голову стоящего над ними многочисленного и многоступенчатого начальства. Высшее руководство империи имело еще одну возможность для сбора сведений о ситуации на местах и, таким образом, еще один инструмент контроля над управленческими органами в регионах. Теоретическая возможность пробиться во дворец или приблизиться к государю во время его путешествий по стране и рассказать о своих нуждах являлась, кроме того, своеобразным амортизатором протеста.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Литература

- Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Батмаев М. М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002. 400 с.
- Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Большедербетовский улус, Ставроп. губ. // Северный Кавказ. 1894. 11 декабря. С. 3.
- Большедербетовский улус, Ставроп. губ. // Северный Кавказ. 1895. 26 февраля. № 17. С. 3.
- Бурдуков Н.* Император Александр II (В Калмыцкой степи в 1871 г.) // Гражданин. 1898. 8 ноября. С. 6–8.
- Вебер Ф. Х.* Записки Фридриха Вебера о Петре Великом [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-44/> (дата обращения: 03.08.2014).
- Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. I / пер. с гол. В. Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010. 624 с.

Двенадцатый год // Русско-калмыцкий календарь на 1912 год. Астрахань: Б. изд., 1912. С. 28–50.

Дворцовые разряды. Т. 3. 1645–1676 г. СПб.: тип. П. Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1851. 838 с.

Депутация калмыков // Северокавказская газета. 1910. 8 декабря. С. 3.

Депутация от калмыков // Астраханский вестник. 1909. 24 февраля. С. 3.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 8. СПб.: тип. Э. Праца, 1862. 368 с.

Ерофеева И. В. «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. Алматы: Б. изд., 2013. 308 с.

Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.

Иванов М. О наградах, полученных калмыками за отличия в военных действиях 1807–1814 гг. // Русско-калмыцкий календарь на 1912 год. Астрахань: Б. изд., 1912. С. 61–79.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1 / отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 848 с.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов) / под ред. В. Ф. Шахматова, Ф. Н. Киреева, Т. Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1961. 760 с.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1794 года. СПб.: тип. Глав. упр. уделов, 1896. 1068 с.

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: тип. Глав. упр. уделов, 1906. 248 с.

Кундакбаева Ж. Б. «Прислал де их Аюкай тайша бить челом великому государю царю...» (Приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сб. мат-лов конф. 2002–2004 гг. / отв. ред. С. П. Орленко. М.: Древлехранилище, 2006. С. 520–532.

Куранов А. А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2007. 248 с.

Леопольдов А. Ф. О проезде вдовы калмыцкого хана Аюки Дарма Басна через Царицын // Саратовские губернские ведомости. 1850. № 17. С. 64–65.

Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 476 с.

- Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 160 с.
- Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I. XVII и XVIII века. Астрахань: Калм. област. исполн. ком., 1926. 266 с.
- Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. Астрахань: Калм. област. исполн. ком., 1927. 238 с.
- Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III–IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калм. област. исполн. ком., 1929. 402 с.
- Письмо астраханского воеводы Ивана Волкова к калмыцкому хану Аюке // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 5. М., 1850. Смес. С. 28 (отд. паг.).
- Победоносцев К. П., Бабст И.* Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: тип. Грачева и комп., 1864. 578 с.
- Позднеев А. М.* Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244. С. 140–170.
- Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 4. Продолжение записок путешествия академика Лепехина. СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1822. 440 с.
- Походный журнал 1722 года. СПб.: Б. изд., 1855. 196 с.
- Преснякова Л. А.* Структура личностного восприятия политической власти // Полис. 2000. № 4. С. 135–140.
- Путешествие его императорского высочества государя великого князя Николая Николаевича старшего, генерал-инспектора по инженерной части и кавалера. III // Русский инвалид. 1871. 20 мая. С. 3–4.
- Путешествие их императорских высочеств государя наследника цесаревича, государыни цесаревны и великого князя Алексея Александровича в Земле Войска Донского // Русский инвалид. 1869. 26 августа. С. 2–5.
- Сабанчиков.* Рын пески // Заволжский муравей. 1832. Ч. II. № 12. Июнь. С. 660–678.
- Сборник Русского исторического общества. Т. 51. Политическая переписка Екатерины II. Ч. 2. 1763 и 1764 г. / изд. под наблюд. Ф. А. Бюлера. М.: Унив. тип., 1886. 616 с.
- Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Б. изд., 2009. 991 с.
- Траилин Ф. К.* О посещении государем императором Области войска Донского 12, 13 и 14 августа 1872 года. Новочеркасск: Обл. войска Донского тип., 1872. 120 с.
- Хроника. От и.д. губернатора // Астраханские ведомости. 1914. 21 ноября. С. 3.
- Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.
- Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London: Cornell univ. press, 1992. 292 p.